

Е. М. Малия, Л. Х. Акаба. Одежда и жилище абхазов. Материалы для историко-этнографического атласа Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 212 с.

Хотя исследование таких важнейших сторон материальной культуры народов Кавказа, как одежда и жилище, можно считать достаточно продвинутым, здесь еще сохранилось большое поле деятельности для ученых. Дело, конечно, и в том, что этнический состав Кавказа и история его народов необычайно сложны. Но не только. Как известно, Кавказ входил в зону древнейших очагов производящего хозяйства и металлургии, в связи с чем здесь рано развились оригинальные формы домостроительства, одежды, включая украшения, виды пищи, формы питания и т. д. К кавказскому материалу целесообразно обращаться при выяснении генезиса многих вещей, бытующих даже на удаленных от Кавказа территориях. Не следует забывать и то, что этот регион расположен на стыке культурных взаимодействий Европы, Передней Азии, Средней Азии и полосы евразийских степей. Думается, что фиксирование даже редких, нетипичных явлений в культуре народов Кавказа будет полезно и этнографам различных профилей, и историкам культур вообще.

Рецензируемая работа, написанная двумя известными специалистами-абхазоведами, удачно отражает уровень научных знаний по рассматриваемым проблемам. После прочтения книги у нас возник ряд вопросов и соображений, которыми хотелось бы поделиться в данной рецензии.

Заслугой Е. М. Малия являются глубокие разработки в области изучения абхазской одежды, фиксирование ею ныне исчезнувших элементов. Особое внимание она обращает на функционирование одежды, ее роль как отличительного возрастного, полового, социального и ритуального знака¹. Такой же подход характерен и для рецензируемой книги. Е. М. Малия в написанной ею части удалось не просто зафиксировать, а научно восстановить комплекс абхазского костюма, и не только его общие черты, но и хозяйственные, повседневные, праздничные, ритуальные и погребальные комплексы одежды мужчин и женщин. Не освещена, пожалуй, одна, но существенная, на наш взгляд, сторона — локальная дифференциация одежды. То огромное разнообразие форм головных уборов у абхазов, которое так прекрасно обрисовала Е. М. Малия, не могло не отражать локального районирования костюма. Между тем эта проблема чрезвычайно важна для изучения этнографических групп абхазов.

Локальные варианты этнографических явлений со сходными функциями в этнографических атласах принято выделять в виде типов; однако вопросы типологии в данном издании оказались недоработанными. Тем не менее выделение Е. М. Малия комплексов одежды, различающихся по функции применения, следует отметить как большой успех автора. Представляется, что на материале абхазской одежды можно поставить еще ряд важных для этнографов вопросов. Так, ношение абхазами одежды как явление необходимо, на наш взгляд, соотносить с их строгим отношением к наготы, многообразно отразившемся в быту, фольклоре и даже литературе; стоит вспомнить рассказы М. Лакербая «Аламы», «Сильнее смерти» и др.² Существует абхазская максима: «В воду пока не войдешь, не обнажайся!»³. Безусловно, такое отношение не является чем-то исключительным для абхазов. То же самое было известно в далеком прошлом, например, у русских. Все говорит за то, что абхазское правило купаться в горах под буркой следует считать формой высокоритуализированного поведения, наложившего отпечаток и на костюм. В плане оппозиции одежда — нагота нужно рассматривать стремление прикрыть одеждой как можно большую поверхность тела, работать даже в жару с рукавами, застегнутыми на пуговицы, и т. п.

Еще одна черта абхазского костюма заслуживает особого внимания; речь идет о тесном прилегании одежды к телу. В рецензируемой книге это отмечено несколько раз, но как-то мимоходом. И. А. Аджинджал считал, что прилегающая одежда делает человека ловким и гибким⁴, имея, очевидно, в виду одежду воина. Но, как пишет Е. М. Малия, эта черта свойственна и женской одежде (с. 67, 70, 82). Действительно, чего стоит один только *айлак* — традиционный абхазский корсет! По-видимому, перед нами особая структурная доминанта мужской и женской одежды, которая находится в оппозиции к просторной одежде мужчин — бурке. Названная оппозиция просторная одежда — прилегающая одежда выступает частью более широкой оппозиции нагота — одежда. Кстати, тесная одежда абхазов повлияла и на их обувь; ее виды хорошо представлены в рецензируемой книге (с. 56—60). Возможно, в связи с тем, что тесная одежда ограничивала движения тела, в прошлом у женщин были распространены деревянные подошвы — ходули.

Одна из интересных проблем абхазской этнографии заключается в том, что традиционный женский костюм исчезает быстрее, чем традиционный костюм мужчин.

¹ См., например, Малия Е. М. К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов. — Изв. АБИАЛ, 1972, № 1; *ее же*. Некоторые традиционные элементы в современном костюме абхазов. — Там же, 1975, № 4; *ее же*. Традиционные головные уборы абхазов. — Там же, 1978, № 8.

² Лакербай М. Тот, кто убил лань. Сухуми: Алашара, 1982.

³ Гулия Д. О. Абхазские пословицы, загадки и поговорки. — В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

⁴ Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 353.

Конечно, это объясняется рядом исторических и социальных факторов. Но нам хотелось бы отметить еще и очевидную неразвитость головных украшений у женщин, что согласуется с ранним исчезновением у абхазок подвесок (с. 92), с одной стороны, и длительное сохранение пояса, снабженного атрибутами воинского наряда у мужчин, — с другой. У последних пояс до сих пор играет большую знаковую роль, оставаясь обязательной частью выходного костюма. В старинных воззрениях абхазов пояс имел еще значение вещи, символизирующей вообще уровень обитаемого мироздания: «мы живем в среднем мире и поэтому пояс носим посередине». Ритуальное значение имели также *уцктуры* — плетеные пояса с кисточками, тщательно убиравшиеся под одежду. Все говорит за то, что именно пояс способствовал устойчивости традиционного мужского костюма. Причины исчезновения многих элементов женской одежды не совсем ясны. Это интересный вопрос, ибо у многих народов мира обычно дольше сохраняется не мужская, а именно женская одежда.

В рецензируемой части книги приведены интересные наблюдения относительно покроя одежды, роли декоративных швов (с. 100). Заслуживает особого внимания сообщение о звенящих украшениях на ногах невесты (с. 88); происхождение этого обычая скорее всего связано с избеганием: звенящие украшения предупреждают старших о приближении молодой женщины.

Вторая часть книги, посвященная жилищу, написана Л. Х. Акаба. Этим в свое время занимался такой прекрасный знаток абхазского быта, как И. А. Аджинджал. Нелегко провести новое оригинальное исследование по той же теме. Между тем Л. Х. Акаба это удалось.

Можно сказать, что задачей Л. Х. Акаба прежде всего был поиск внутренних факторов эволюции абхазского жилища. В итоге автор создает типологию деревянного каркасного жилища, в которой выделенные типы по существу выступают этапами исторического развития: 1 — *акуацэ*, 2 — *апацха* или *амасар-тдзы* со срубным вариантом *аджаргуал* и 3 — *акуаскя* (с. 189).

Л. Х. Акаба аргументирует положение, что развитие жилища на территории Абхазии, если оставить в стороне древнейшие пещерные формы, протекало в формах деревянного домостроительства. Судя по чебельдинским и другим раскопкам, древнейшей техникой была плетневая с использованием глиняной обмазки (с. 139). Возраст срубной техники нам пока не известен, но описание колхидского дома Марком Витрувием свидетельствует о том, что она была хорошо известна в начале нашей эры. Обращение к истории жилищ Абхазии и соседних причерноморских областей, анализ развитых способов деревообработки, существование различных приемов сочленения деревянных частей, в частности в шип и с использованием прожженных отверстий и т. п., даже обычай сева специальной кровельной травы, необходимой для устройства скатной крыши, — все это и многое другое говорит за то, что в Восточном Причерноморье существовала устойчивая зона древнейшего деревянного строительства наземных каркасных домов со скатной крышей. Ареально и типологически эта зона противостоит зоне жилищ, стены которых были врыты в землю, а крыша несла мощную земляную кровлю. Стабилизация жилищ последнего типа осуществляется прежде всего весом тяжелой крыши, опирающейся на толстые горизонтальные балки, консоли и вертикальные столбы типа грузинских *дедабодзи*. В наземном каркасном жилище проблема устойчивости его решается иначе. Здесь приходится всячески укреплять стены, и это делают в Абхазии, как и у адыгов, с помощью ряда внешних столбов⁵. Надо думать, что круглая постройка, уходящая корнями в очамчирскую и куро-аракскую культуры, устойчивая к внешним воздействиям лучше, чем прямоугольная в плане, имела все основания сохраняться в течение столь длительного периода.

С каркасной техникой абхазов связан ряд частных, но интересных вопросов. К ним относится наличие в древности обмазки в Чебельде и ее отсутствие в этнографически бытовавшем жилище (с. 139). Чисто технологически последнее может быть объяснено стремлением к лучшей аэрации. Но, очевидно, этого объяснения недостаточно. Обращает на себя внимание сходство некоторых конструктивных приемов постройки абхазского жилища с мегрело-лазскими, а также с техникой построения жилищ у аборигенов Крыма, если судить по известной работе Б. А. Куфтина⁶.

Как бы то ни было, факт повсеместного господства дерева как строительного материала позволил Л. Х. Акаба сосредоточиться на других аспектах эволюции жилища в Абхазии. Бросающаяся в глаза типологическая подвижность абхазского жилища всесторонне учтена автором. Хорошо показана смена структурообразующих элементов различных типов: если в более ранних жилищах в этой роли выступает очаг, то в позднейших его место занимают два помещения — балкон и гостевая комната (с. 177, 184—185, 187—189). Так на конкретном абхазском материале появилась общая закономерность развития основных функций жилища — от первоначальной функции защиты огня к созданию максимальных удобств для человека. Весьма примечательно, что в этой теплой зоне жилище прошло путь развития от замкнутого объема конусообразной хижины до прямоугольной постройки с развитыми открытыми помещениями (навесом, галереей, балконом).

Нам представляется, что эволюция типов жилища к акуаске, а также некоторые другие черты культуры абхазского жилища объясняются стремлением к открытости как фактору комфорта. Это касается и размещения построек на территории двора, которое

⁵ Аджинджал И. А. Указ. раб., с. 45.

⁶ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы. М., 1925.

в противоположность мнению Е. М. Шиллинга⁷ свидетельствует вовсе не об изолированности жилища от внешнего мира, а скорее, напротив, о связи с людьми, поскольку широкий чистый двор — важнейший атрибут института абхазского гостеприимства.

Одно из важных положений, выдвигаемых Л. Х. Акаба, касается так называемого «длинного дома». Характерно, что по-абхазски он называется *аганвны*, т. е. «дом в ширину», а не «в длину», другое название — *апсуавны* «абхазский дом» (с. 168). Обращаясь к генезису такого дома, автор убедительно показывает, что аганвны пришел на смену многим амхара — жилищам брачных пар, а не на смену апацхе. Л. Х. Акаба зафиксирована архаическая в смысле техники постройка типа аганвны (с. Гвада — с. 169). Показательно, что, по мнению информаторов, именно аганвны был распространенным видом жилища в прошлом (с. 168). Быт в таком длинном доме с несколькими комнатами и одним центральным помещением с навесом с фасадной стороны хорошо представлен в книге Ш. Д. Инал-ипа⁸.

Нужно сказать, что внимание к социальным и семейно-бытовым аспектам жилища делает обоснованными и многие интересные выводы Л. Х. Акаба, например положение о том, что в планировке развитого жилища в трансформированном виде выступает план прежней усадьбы. Стоило бы более последовательно держаться принципа социальной детерминации жилища. Так, отказ от длинных домов у абхазов, несомненно, был продиктован переходом к хуторскому типу поселений. Следовало бы также обратить особое внимание на феодальную регламентацию типов жилищ в дореволюционной Абхазии. Известно, что феодалы запрещали крестьянам строить жилища с тремя помещениями, с несколькими дверями, короче, похожие на их собственные⁹. Хотелось бы больше узнать об интерьере (ведь он также влияет на типологию жилища) и особенно об обрядах и поверьях, связанных с домом. Мы должны также отметить, что в этой части, как и в части, написанной Е. М. Малия, не рассматриваются локальные формы. Незначительность локальных вариантов в конструкциях жилищ отмечал уже И. А. Аджинджал. Есть все основания думать, что единообразие в абхазской материальной культуре — сравнительно позднее явление. Но какого времени? Эти и другие неясные вопросы еще ждут внимания этнографов-абхазоведов.

Рецензируемая книга хорошо освещает основные элементы материальной культуры Абхазии и поэтому представляет важный этап в подготовке историко-этнографического атласа Грузии.

Я. В. Чеснов

⁷ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1, с. 64.

⁸ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965, с. 308—309.

⁹ Там же, с. 301.

С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 174 с.

Арктическая археология — сравнительно молодая и быстро развивающаяся область археологической науки — пока не богата крупными, широко известными находками. Подавляющая часть древних памятников, известных в зоне Крайнего Севера, представлена остатками отдельных жилищ, небольших стоянок или поселений, гораздо реже — могильниками или петроглифами. Понятен поэтому тот интерес, который вызывает недавнее открытие в районе Берингова пролива, у восточного побережья Чукотки, крупного комплекса монументальных сооружений, образно названного авторами рецензируемой книги «Китовой аллеей».

Китовая аллея — грандиозное сооружение из множества объектов, построенное из черепов и челюстей гренландских китов на маленьком, ныне необитаемом острове БИ-тыгран в проливе Сенявина. Свою основную задачу авторы книги, первооткрыватели и первые исследователи этого памятника, видели не только в его детальном описании, но и в определении назначения всего этого уникального архитектурного комплекса, выяснении этнокультурной принадлежности и уровня социально-экономической организации создавшего его населения. В археологии по отношению к типичным, массовым памятникам обычно применяют достаточно разработанную методологически процедуру «интерпретации комплексного объекта». Однако уникальный характер Китовой аллеи, отсутствие датирующих предметов и надежных аналогий, скудость исторических сведений и фольклорного материала превратили саму процедуру интерпретации этого памятника в самостоятельное творческое исследование. Авторы смело предваряют монографию замечанием о «неизбежной гипотетичности некоторых своих выводов» (с. 7). Правда, следует отдать им должное: благодаря четко составленной программе исследования, удачно найденной логике подачи материалов их общие заключения выглядят вполне правомерными.

Решение поставленной задачи в значительной степени удалось в силу широты подхода к ней, предполагавшего рассмотрение памятника (датируемого ориентировочно серединой II тысячелетия н. э.) на фоне анализа историко-культурной и этнической ситуации на Чукотке в течение двух последних тысячелетий. Весьма важны наблюдения и общие выводы авторов, касающиеся структуры, размеров и организационных форм внутри- и межгрупповой кооперации древнеэскимосских коллективов охотников на крупных морских животных. В книге высказано мнение, что построение такого крупного и